

Знаков В.В. Субъектно-аналитический подход в психологии понимания

English version: [Znakov V.V. The subject-analytical approach in the psychology of understanding](#)

Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Описана модель понимания трех реальностей мира человека. Изложены способы, основания и типы понимания эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей. Проанализированы объективные и субъективные основания различения реальностей. Кратко описан субъектно-аналитический подход к исследованию психологии понимания. Подробно описаны субъектная и аналитическая составляющие подхода.

Ключевые слова: понимание, реальность, факт, субъектно-аналитический подход

Понимание – один из важнейших психологических феноменов, пронизывающий все уровни человеческого бытия. Понимание направлено на порождение смысла явлений, событий, ситуаций во всех трех реальностях, в которых живет человек – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. В психологии им соответствуют три традиции исследований – когнитивная, герменевтическая и экзистенциальная [Знаков, 2009]. В каждой традиции психологи имеют дело с пониманием, неодинаковым по психологическим механизмам и основаниям.

В современном обществе коммуникация является продуктивной тогда, когда ее участники понимают друг друга. В общении предмет понимания обычно проявляется в двух основных типах высказываний. Одни описывают предметный мир, и каждому утверждению соответствует какое-то его объективное качество: у высказываний есть референты, денотаты. Это те случаи, когда мы говорим об *эмпирической реальности* и у нас есть процедуры проверки истинности высказываний. В этой реальности мы имеем дело с объективным знанием. Объективное знание проявляется в истинных суждениях, которые соответствуют какому-то качеству реальности (например, кит больше слона). В *социокультурной реальности* нет качеств, явно соответствующих внешней действительности. Ну какие могут быть референты у печали или вдохновения? У нас есть только репрезентации этих понятий и, соответственно, психологических феноменов. Причем неодинаковые, связанные со структурой личностного знания каждого человека.

Репрезентации проявляются в мнениях и интерпретациях. А истинность мнений невозможно оценить, можно говорить только об их правильности или неправильности с позиций разных групп людей. Например, можно ли утверждать, что высказывание «Лучше быть здоровым, чем богатым» является истинным? Одни люди согласятся с этим, другие – нет. Также нет объектных референтов и в *экзистенциальной реальности*. Ключевыми психологическими феноменами в ней являются опыт, переживание, бессознательное, постижение. В частности, это отчетливо проявляется при исследовании роли когнитивного и аффективного бессознательного в понимании чужого человека как врага, а также понимания моральной допустимости абортов, эвтаназии.

Теоретические основы психологии понимания мира человека построены на утверждении, что понимание фактов, событий, явлений в трех реальностях человеческого бытия происходит на неодинаковых психологических основаниях. Моя точка зрения на структуру многомерного мира человека формировалась в процессе научного анализа отличительных признаков реальностей, в которых живет человек – эмпирической, социокультурной, экзистенциальной; традиций

психологических исследований – когнитивной, герменевтической, экзистенциальной; способов понимания субъектом мира – парадигматического, нарративного, тезаурусного и его результатов – типов понимания-знания, понимания-интерпретации, понимания-постижения.

Итог тридцатилетних исследований обсуждаемого феномена представлен в статье, опубликованной в журнале «Вопросы психологии». Согласно описанной в ней модели, анализ понимания явлений и феноменов, относящихся к эмпирической реальности, осуществляется психологами с позиций когнитивной традиции психологических исследований; способ понимания мира – парадигматический; основания понимания – знание и значение; тип понимания – понимание-знание. Социокультурной реальности соответствует герменевтическая традиция психологических исследований; нарративный способ понимания мира; основанием понимания являются мнение и смысл; в результате появляется тип понимание-интерпретация. Экзистенциальная реальность: экзистенциальная традиция; тезаурусный способ понимания; переживание и опыт; понимание-постижение [Знаков, 2014].

Цель статьи – проанализировать основные положения субъектно-аналитического подхода, с помощью которого можно доказать правомерность различения трех реальностей мира человека и обосновать причины неодинаковости их понимания.

Субъектно-аналитический подход в психологии познания и понимания

В методологии современной психологии одним из интересных и, безусловно, перспективных является культурно-аналитический подход к исследованию эволюции психологического знания и междисциплинарных связей психологической науки [Гусельцева, 2009, 2015]. Именно в этом подходе ставится и, в значительной мере, решается задача определения специфики аналитического метода в психологических исследованиях. Постановка проблемы определения содержания и сути аналитического метода в психологических исследованиях, конечно же, актуальна применительно к попыткам ответа на вопрос: какие психологические механизмы и ресурсы субъекта включены в процессы различения в едином мире человека трех реальностей – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной?

Неразрывно связанным с этим является вопрос и о роли в этом различении характера активности самого понимающего мир субъекта: ее направленности и специфики. Ответить на эти вопросы и должен субъектно-аналитический подход. По объему и содержанию этого понятия он уже междисциплинарный культурно-аналитический [Гусельцева, 2009, 2015]. Субъектно-аналитический подход хотя и не исключает обращение психолога к данным других наук, но все-таки ориентирован преимущественно на исследование понимания как психологической проблемы, описанной в психологической литературе. Сочетание в названии подхода двух понятий означает, что и субъектная составляющая, и аналитическая играют важную роль в определении оснований, по которым различаются и понимаются три реальности мира человека.

Субъектная составляющая субъектно-аналитического подхода включает:

1. Субъектность как совокупность внутренних условий развития понимания, формирующихся в соответствии с рубинштейновским принципом детерминизма: внешние причины действуют, преломляясь через внутренние условия, составляющие основание психического развития. Субъектность, внутренние условия понимания как линзы, направляющие фокус внимания понимающего субъекта, проявляются в специфике интерпретации, приписывания событиям, явлениям и т.п. статуса фактов. Простая констатация существования объектов, явлений, событий, полученных в исследовании результатов, не означает признания их фактами. В науке фактами называют только те результаты, которые теоретически осмыслены и так соотношены с другими данными, что становится очевидным существенное отличие одних от других. Любая наука строится на проинтерпретированных, понятых учеными фактах. Фактов нет вне дискурса, схемы понимания мира.

Однако схемы понимания различны в социокультурной и экзистенциальной реальностях, в которых ученые имеют дело с мыслями и поступками людей, и в эмпирической, применительно к которой анализируются закономерности, выражающие повторяющиеся явления и события. В первых двух факты всегда явным или неявным образом включают указание на цели поступков людей и их причины (исторический факт заключается не только в знании, что Цезарь перешел Рубикон, но и в понимании того, почему и зачем он это сделал). При изучении закономерностей понимания людьми эмпирической реальности психологи называют фактами только такие объекты, явления, события, суждения о которых либо верифицируемы, допускают опытную проверку, либо основаны на общем для множества людей объективном знании. Факты есть не только в природном, но и в социальном мире. Суждения « $2 + 2 = 4$ » или «Расстояние от Калининграда до Хабаровска больше пяти тысяч километров» истинны, это научные факты. Но также объективно истинны, являются фактами высказывания: «Великий русский полководец Суворов умер 18 мая 1800 года»; «Кант был человеком слабого здоровья, страдавшим от депрессии и других болезней». Такие суждения зависели от способов познания тогда, когда любой человек их впервые слышал и осмысливал. Потом они стали объективными: такие истинные суждения одинаково понятны всем людям.

Научные факты не исключают, а, наоборот, включают в себя субъектные составляющие, являющиеся внутренними условиями понимания. Если я говорю о фактах, то моя субъектность проявляется в уверенности в их истинности: я убежден, что кит больше слона. Я также верю в то, что мои собеседники тоже не сомневаются в истинности этого утверждения. И это дает нам возможность понимать друг друга: в этом случае объективность и истинность знания является общим базисом, гарантией одинакового понимания высказывания всеми общающимися людьми.

2. Гносеологические субъект-объектные основания психологии субъекта, в которой показано, что во многих психологических исследованиях трудно провести четкую границу между субъектом и объектом [Брушлинский, 2003]. Разрабатывая психологию субъекта, А.В.Брушлинский опирался на положение о том, что познавательное отношение субъекта к внешнему миру есть основное гносеологическое отношение. Он стремился раскрыть гносеологические и онтологические основания психики, изучая ее недизъюнктивную природу. Трудности аналитического различения гносеологии и онтологии психического в психологическом эксперименте всегда упираются в онтологическую неотделимость любого психического процесса от его результата, потому что любой из продуктов (мыслительного поиска, распределения внимания и т.п.) реально существует только в породившем и использующем его процессе. Основываясь на теории психического как процесса, он считал, что с помощью мыслительного механизма анализа через синтез можно гносеологически и психологически расчленять недизъюнктивные объекты, неразделимые в онтологическом плане [Брушлинский, 2003]. Тем не менее следует признать, что в психологии субъекта были только намечены направления, в которых должны проводиться исследования различения гносеологических и онтологических оснований научного анализа субъектности человека.

В XX веке внутриспсихологические проблемы трудностей установления границ между субъектом и объектом определялись и более общей ситуацией, сложившейся в социогуманитарном познании. Тогда наблюдалась культурно-историческая эволюция интерпретации разнообразных описаний мира. Она заключалась в постепенном смещении фокуса внимания ученых с анализа точки зрения субъекта-автора к исследованию знаний о мире субъекта-читателя, на основе которых он выстраивает свою интерпретацию описанной ситуации. Эволюция соответствовала диалектике развития социогуманитарного познания: на смену монологической направленности ученых на анализ субъект-объектных взаимодействий пришли размышления о размытости границ между субъектом и объектом во многих ситуациях человеческого бытия. Неизбежным следствием этого стала неразличимость авторской позиции в семантическом пространстве мира человека. Неудивительно, что в XX веке известными и широко распространенными стали метафорические высказывания Р.Барта, М.Фуко и других замечательных мыслителей о смерти автора, смерти субъекта. Большой резонанс этих высказываний в среде интеллигенции можно объяснить с двух точек зрения.

Во-первых, это смещение акцента с традиционного для структурного психоанализа и психологии художественного восприятия изучения решающей роли автора в понимании написанного. Типичными авторскими текстами я бы назвал всю русскую классику – Л.Н.Толстого, А.П.Чехова и других. Понимание их рассказов, повестей, романов фактически сводилось к такой читательской интерпретации, которая была направлена на выявление авторского замысла. Сегодня мы вынуждены

отказаться от иллюзии, что смысл сказанного субъектом исчерпывается тем, что он сказал. Законченное стихотворение, написанная книга или диссертация отчуждаются от автора и включаются в множество социальных и культурных контекстов. Жесткую соотнесенность значения с конкретным объектом заменяет неисчерпаемость множества возможных культурных интерпретаций. Вспомним у Шекспира: «Что имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови, хоть нет...» Однако в современной культуре роза – это и красота, и радость, и любовь, и женственность, и гармония мироздания. Выбирая те или иные значения, мы указываем на свою принадлежность к определенной культурной традиции. Тем самым мы присоединяемся к одной из культурных интерпретаций, *утрачивая индивидуальность*. Как нередко говорят герои боевиков, «ничего личного», то есть субъективного. Следовательно, как в общении, так и при чтении происходит восстановление в правах нового субъекта – не автора, а слушателя и читателя.

Во-вторых, в человеческом бытии есть немало событий и ситуаций с размытыми границами между субъектом и объектом. Р.Барт приводит фразу из одной из новелл Бальзака: «То была истинная женщина, со всеми ее внезапными страхами, необъяснимыми причудами, инстинктивными тревогами, беспричинными дерзостями, задорными выходками и пленительной тонкостью чувств» [Барт, 1989, с. 384]. И Барт ставит правильный вопрос: как определить, *кто* это говорит? Бальзак-человек, рассуждающий о женщине на основании своего личного опыта? Или Бальзак-писатель, исповедующий «литературные» представления о женской натуре? Или же это общечеловеческая мудрость? А может быть, романтическая психология? Узнать это нам никогда не удастся по той причине, что в письме как раз и уничтожается всякое понятие о голосе, об источнике. Отчужденный текст – это уже та область неопределенности, в которой *теряются следы субъективности автора*, исчезает самоощущенность пишущего. Зато смысловые акценты интерпретации и ответственность за нее смещаются на другого субъекта – читателя.

Однако безусловно, глубокие и содержательные рассуждения названных мыслителей лишь подчеркивают метафоричность выражения «смерть субъекта». В контексте психологии человеческого бытия, не тождественного индивидуальному жизненному пути, такие рассуждения по-новому ставят старую проблему диалогичности бытия и сознания: нельзя ограничиваться анализом одного субъекта-автора, нужно учитывать и субъекта-читателя. Именно субъект, говорящий или слушающий, пишущий или читающий, интерпретирует те ситуации, о которых говорится или пишется. А интерпретация становится основой понимания событий и ситуаций человеческого бытия. Интерпретация – это всегда один из возможных *способов* понимания, порождения субъектом смысла понимаемого. Понимание включает в себя потенциальную возможность разных типов интерпретации содержания понимаемого, то есть рассмотрения его с разных точек зрения. Неудивительно, что понимание одних и тех же высказываний в диалоге, текстов, социальных ситуаций оказывается неодинаковым при их интерпретировании преимущественно на основе знаний, установок автора или читателя, а также зависимой и независимой самоинтерпретации партнеров по общению [Grace, Cramer, 2003; Singelis, 1994].

Проблема определения объективных и субъективных оснований различия реальностей, безусловно, включена в описанный выше более широкий контекст развития социогуманитарного познания. Эта проблема оказывается важнейшей при изучении факторов, влияющих на аналитическое расчленение мира человека на три реальности. Субъектно-аналитический подход к исследованию психологии понимания как раз и направлен на то, чтобы сделать явными те психологические основания, которые лежат в основе классификации реальностей, явного описания признаков каждой из них. Три описанные выше реальности, конечно же, объективно существуют. Вместе с тем ясно и то, что различие реальностей относится не столько к онтологии их существования, сколько к гносеологическому уровню анализа, логико-аналитическому описанию признаков и характеристик. В действительности недизъюнктивны не только мыслительные процессы субъекта, но и сам мир человека является скорее целостным и непрерывным, чем дискретным. В многомерном мире человека реальности нередко настолько взаимосвязаны, что их трудно расчленить, отделить одну от другой. В эксперименте психологу часто очень трудно уловить ту грань, границу между реальностями, которая существует во внутреннем мире испытуемого.

Наиболее точное описание сложной диалектики взаимопереходов между реальностями, как это ни парадоксально, можно найти не в научных публикациях, а в романе Х.Мураками. «Есть реальность, которая подтверждает реальность происходящего. Дело в том, что наша память и ощущения

несовершенны и односторонни. До какой степени реально то, что мы считаем реальным? Где начинается "реальность, которую мы считаем реальностью"? Определить эту границу во многих случаях невозможно. И чтобы представить нашу реальность как подлинную, требуется другая, скажем так, – пограничная реальность, которая соединяется с настоящей. Но этой пограничной реальности тоже нужно основание для соотнесения с настоящей реальностью, а именно – еще одна реальность, доказывающая, что эта реальность – реальность. В сознании складывается такая бесконечная цепочка, и, без преувеличения, в каком-то смысле благодаря ей и существует человек. Но бывает, эта цепь в каком-то месте рвется, и в тот же миг человек перестает понимать, где же реальность настоящая. Та, что на том конце оборванной цепи, или та, что на этом?» [Мураками, 2015, с. 267].

Неудивительно, что обоснование существования трех реальностей человеческого бытия пока вызывает немало вопросов. Главный из них давно сформулировал великий математик А. Пуанкаре, написавший в книге «Наука и гипотеза», что «невозможна реальность, которая была бы полностью независима от ума, постигающего ее» [Пуанкаре, 1989, с. 203–204]. Для разных людей качества предметов и объектов реальности неодинаковы, потому что они зависят не только от действительно присутствующих им свойств и характеристик. Как отмечают В.Ф.Петренко и А.П.Супрун, в физической реальности нет запахов: они обусловлены спецификой наших органов чувств. Также «согласно современной физике, тяжесть не является свойством самого объекта, а зависит от гравитационного взаимодействия двух тел; а, например, невесомость космонавта на околоземной орбите представляет собой его свободное падение» [Петренко, Супрун, 2014, с. 70].

В психологии после исследований С.Л.Рубинштейна и других крупных ученых аксиомой является положение о том, что в мире человека не существует объективного знания о реальности, независимого от познающего субъекта. Объективность знания – всегда и результат познавательной деятельности субъекта, и отражение бытия. Любое научное понятие, которым мы описываем реальные предметы, события, ситуации – это и конструкция мысли, и отражение бытия [Рубинштейн, 1957]. Объективное содержание понятия – это, разумеется, отраженное содержание предмета. Но, только преломляясь через внутренние субъектные условия познавательной деятельности познающего субъекта, содержание предмета становится объективным содержанием понятия, входит в багаж знаний субъекта и определяет его поведение. Внутренние субъектные условия познания определяют различное понимание людьми одних и тех же бесспорно объективных данных. К примеру, если я скажу, что расстояние от центра Москвы до центра Санкт-Петербурга по прямой составляет около 635 километров, то это может оказаться непонятным британцу или американцу, привыкшему производить расчеты в милях. Внутренние условия, концептуальные схемы понимающего мир субъекта играют определяющую роль в понимании трех реальностей человеческого бытия.

3. Способы преобразования субъекта, полагания себя. С точки зрения раскрытия их содержания центральными являются вопросы о типах активности человека как личности и как субъекта. Интересный вариант разграничения активности личности и активности субъекта описан в работе Н.Е.Харламенковой [Харламенкова, 2010]. Она выделила четыре особенности активности человека как личности:

- 1) Форма активности. Активность личности выражается в определенной форме, которая называется деятельностью.
- 2) Характер влияния личности на деятельность, в результате которого последняя приобретает индивидуальный характер, но существенно не реорганизуется.
- 3) Объект влияния. Личность через свои социально-психологические особенности влияет на продукт (результат) деятельности.
- 4) Направленность и границы активности: развитие личности обусловлено развитием в деятельности, ее динамикой в процессе онтогенеза, обусловленного переходом от одного вида деятельности к другому, от одной стадии к другой [Харламенкова, 2010, с. 43–44].

По этой же схеме описана активность человека как субъекта деятельности:

- 1) Форма активности: деятельность субъекта выходит за пределы адаптивной, приспособительной активности и выражается в преобразующем влиянии, изменении этой деятельности, имеет творческий самодетельный характер.

2) Характер влияния на деятельность: субъект оказывает реорганизуящее влияние на деятельность, осуществляя ее регуляцию за пределами актуально осуществляемой деятельности. Это активность в собственном смысле этого слова.

3) Объект влияния: если личность влияет на результат деятельности, то субъект – и на ее результат, и на процесс.

4) Направленность и границы активности: развитие субъекта определяется его функционированием в ходе жизни, которое не описывается в категориях стадий развития и не определяется фиксированными временными границами [Там же, с. 44–45].

Другой вариант описания субъектной активности представлен в работах М.Фуко. По Фуко, субъективность проявляется во внутренних условиях познающего мир человека, прежде всего, в его опыте. Условия реализуются и проявляются в дискурсе, практиках. При этом три дискурса соответствуют трехчленной схеме понимания мира (формы возможного знания, нормативные основания поведения индивидов, вероятные способы существования возможных субъектов) [Фуко, 2011].

Аналитическая составляющая субъектно-аналитического подхода включает:

1. Раскрытие сущности аналитического метода научного исследования как рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей предмета для суждения о целом. Анализ (разделение действительности на три реальности) в конечном счете нужен для того, чтобы синтезировать части в целое (мир человека). Как точно подмечает М.С.Гусельцева, «анализ, понимаемый в широком смысле слова, реальность на элементы вовсе не расчленяет, а ее анализирует, устанавливая “игру” взаимосвязей. Анализ здесь, как ни парадоксально, выступает в смысле синтеза, или собственно аналитики» [Гусельцева, 2009, с. 20].

В отечественной психологической науке идея о взаимосвязи различения частей и целого продуктивно развивается в психологии рефлексии и психологии переживаний. Из проводимых в них исследований следует, что сущность аналитического метода заключается не в направленности на расчленение объекта познания на отдельные его составляющие. Конечная цель применения метода – интеграция, синтетическое объединение частей познаваемого в целое.

Рефлексия многими психологами рассматривается как сознательный и преимущественно когнитивный процесс. В этом ключе рефлексивность предстает как данность сознания самому себе, репрезентация субъекту того, что происходит в его психике. Рефлексия выполняет не только аналитические, но и синтетические функции. Как отмечает А.В.Карпов, рефлексия направлена на анализ основных видов когнитивных процессов (мышления, памяти и др.) человека как метакогнитивных – метамышления, метапамяти и т.п. Благодаря рефлексии у мыслящего субъекта возникает ощущение полноты и исчерпанности репрезентации внутреннего мира во всем многообразии его проявлений. Репрезентация предполагает опору на все когнитивные процессы в форме метапроцессов. Рефлексия оказывается *интегратором* психики как системного образования, а предметом интеграции являются основные психические процессы [Карпов, 2012].

В более обобщенном виде, простым и ясным языком идея о сочетании дифференционных и интеграционных свойств познаваемого объекта в психике познающего субъекта представлена в работе Г.Марселя о двух видах рефлексии. Он различает рефлексии первой и второй ступени познания. Вторичная рефлексия влияет на процедуры, к которым прибегает первичная рефлексия, чтобы восстановить единство между элементами, которые та первоначально разъяла. «Скажем в общих чертах, что в то время как первичная рефлексия имеет тенденцию к разрушению изначально данного ей единства, рефлексия второй ступени является по сути дела восстанавливающей, она представляет собой возвращение, восполнение утраченного» [Марсель, 2003, с. 148].

Переживание тоже нередко понимается психологами именно как рефлексивный процесс, способствующий осознанию и, в конечном счете, появлению отрефлексированного субъектом знания

о переживаемом. С этим трудно спорить – в результате взаимодействия процессов рефлексии и переживания осуществляется осознание актуальной жизненной ситуации. Однако в то же время возможно и отсутствие подобного осознания. И в этом случае отсутствие рефлексии переживаемого события препятствует его соотнесению с личностным знанием субъекта и перемещению воспоминания о нем из жизненного опыта в экзистенциальный.

Конструктивная попытка устранения противоречия между осознанностью рефлексии и личностным и не всегда осознаваемым характером переживаний предпринята А.О.Прохоровым в цикле исследований, посвященных анализу смысловых оснований рефлексивного слоя психических состояний [Прохоров, 2006]. Рефлексию, смыслы и переживания он анализирует в едином континууме семантического пространства психических состояний: «Включение переживания в структуру смысловой детерминации обусловлено тем, что возникновение психического состояния субъекта связано с бытием и отражением бытия самого субъекта, а также с отражением его отношения к бытию. Презентация этого отражения в сознании человека осуществляется не в виде образов, а в виде переживаний» [Там же, с. 46].

Переживания всегда включаются в отношение субъекта к бытию, в процессы отражения и порождения, интегрирующиеся в феномене смысловой детерминации ситуаций человеческого бытия. Репрезентация смысловой детерминации в сознании субъекта осуществляется не только в виде образов, но и в виде переживаний. Такой иной взгляд на проблему дает возможность осмыслить переживание не как широко распространенное в психологической литературе когнитивистское подобие рефлексии. С позиций концепции структурно-динамической организации переживания [Фахрутдинова, 2008], психологические корни формирования обсуждаемого феномена следует искать не только в когнитивной реальности. Пожалуй, наиболее репрезентативными для анализа трудностей осознания переживаемого являются переживания, возникающие у современных людей, взаимодействующих в социокультурной и экзистенциальной реальностях. Трудности осознания собственных переживаний у людей связаны с психическими состояниями, эмоциями, защитными механизмами, межличностными отношениями и т.д.

2. Еще одним компонентом субъектно-аналитического подхода является ориентация на рубинштейновскую традицию исследования мышления и познания как анализа через синтез [Процесс мышления ..., 1960]. С.Л.Рубинштейн выделял две основные формы мыслительных операций. «Анализ-фильтрация» проявляется в мышлении как постепенное отсеивание не оправдавших себя проб решения задачи. «Анализ через синтез»: в нем анализ выступает в роли синтетического акта соотнесения условий с требованиями поставленной задачи. При этом в целом анализ рассматривался в школе С.Л.Рубинштейна как мыслительная операция, которая функционирует в паре с синтезом. Анализ через синтез обеспечивает прогнозирование субъектом искомого и творческую порождающую природу мыслительной активности. В процессе ее осуществления познаваемый объект начинает проявляться в новых свойствах и качествах, ранее не представленных индивидуальному сознанию.

Роль синтеза в порождении целостного, холистического взгляда на события и явления также фундаментально обоснована: это убедительно показано в книге А.В.Брушлинского о логико-психологическом анализе мышления и прогнозирования [Брушлинский, 1979]. Согласно его научным взглядам, в мыслительном процессе анализа через синтез объект мысленно включается в разные системы связей и проявляет в них различные качества. Взаимодействуя с объектом, субъект «вычerpывает» из него все новое и новое содержание, расширяя свои представления об объективной картине мира. Однако отнесение содержания знаний о мире к объекту познания не означает исключения из психологического анализа субъективных составляющих познавательной деятельности. Без субъекта, его активности не может идти речь ни о каком содержании, потому что знание не включено в объект, оно порождается только во взаимодействии, в процессе соприкосновения объективного и субъективного миров. Точно так же можно утверждать, что в закрытой книге или выключенном компьютере нет никакой информации, она возникает тогда, когда читатель открывает книгу, а пользователь включает компьютер.

Сегодня метод «анализ через синтез» находит интересное воплощение в практике обучения студентов, в частности, в конструировании аналитико-синтетических задач по теории алгоритмов. Решение таких задач невозможно без сочетающихся друг с другом анализом как выделением существенного и синтезом как актуализацией образованных ранее связей. «Управление поиском

решения при использовании анализа осуществляют с помощью вопросов: что достаточно знать (иметь), чтобы выполнить требование задачи? (Откуда может следовать или быть получено то, что требуется?). Получив ответ на этот вопрос, сопоставляют его с условием (тем, что дано, известно) и, если в данных задачах не содержится того, что необходимо, тот же вопрос ставят по отношению к преобразованному, промежуточному требованию (Что достаточно знать для выполнения промежуточного требования?). Использование таких вопросов при решении задачи преобразует (развертывает) требование до тех пор, пока необходимое не обнаружится в данных задачах» [Колдунова, 2015, с. 135]. В этом подходе используются два, обратные по направлению движения приема: «синтез через анализ» и «анализ через синтез». Уровень развития аналитико-синтетического компонента мышления студентов определяется «соотношением между количеством поставленных студентом и преподавателем вопросов, необходимых для нахождения правильного решения задачи. При высоком уровне развития такие вопросы ставятся самим студентом, при низком уровне – преподавателем» [Там же.].

Нельзя считать, что изучение процедур анализа и синтеза ограничивается узкими рамками психологии мышления, оно актуально для кросскультурных, социально-психологических и многих других исследований. Например, реализация метода «анализ через синтез» в социокультурном контексте нашла удачное воплощение в исследованиях феномена «заботы о себе» [Иванченко, 2009; Фуко, 2007]. Описание этого феномена в исследованиях М.Фуко было направлено на конструирование целостной картины путем анализа частей. В концепции *epimeleia* (заботы о себе) он различал четыре аспекта [Фуко, 1991].

Первый аспект: то, что можно назвать мировоззрением субъекта – индивидуально-специфическая манера смотреть на мир, действовать, вступать в отношения с другими людьми. Забота о себе – это также отношение к самому себе, к другим, ко всему в человеческом мире. Второй аспект: забота о себе предполагает особую форму внимания, взгляда. Она подразумевает изменение направления взгляда, перенесение его с внешнего мира на внутренний, с других на самого себя. Забота о себе предполагает интроспекцию: наблюдение субъекта за тем, что он думает и что происходит в его внутреннем мире. Третий – определенный образ действий, осуществляемый субъектом по отношению к самому себе. Действия, посредством которых субъект проявляет заботу о себе, изменяют и преобразуют его. Эти действия представляют собой совокупность практических навыков, приобретаемых путем большого количества упражнений. В истории западной культуры, философии, морали и духовной жизни техники медитации, запоминания прошлого, изучения сознания имеют давнюю традицию, они как бы вплетены в социокультурный контекст. Наконец, четвертый аспект исследовательского внимания: понятие заботы о себе основано на совокупности нормативных предписаний, определяющих способ существования субъекта в обществе, его отношение к окружающему, определенные формы рефлексии [Фуко, 1991, с. 285].

3. Использование современных данных об аналитическом и холистическом стилях мышления и их четырех основных признаках: фокус внимания, отношение к противоречиям, восприятие изменений и каузальная атрибуция [Choi et al., 2007; Mei-Hua, 2008; Nisbett et al., 2001; Pierce, 2007]. В современных психологических исследованиях изучение аналитичности / холистичности неразрывно связано с анализом рационального и иррационального в человеческом мышлении. Например, это следует из когнитивно-опытной теории личности (CEST) С.Эпштейна [Epstein, 2003]. Как и другие психологи, он выделяет два главных типа познавательных процессов: осуществляемых быстро, при незначительном участии сознания; и более рефлексивных, но протекающих медленнее. К.Е.Станович и Р.Ф.Уэст назвали их процессами «Системы 1» и «Системы 2» [Stanovich, West, 2000]. Иначе говоря, согласно теориям двойственности процессов рассуждений (dual-process theories of human thinking), у человека есть две отличные, но взаимодействующие системы для обработки информации.

Одна (Система 1) ориентирована на эвристики, приводящие к интуитивным ответам, в то время как другая (Система 2), основана на аналитической обработке. Обе системы могут время от времени функционировать параллельно. Однако когда доступны познавательные ресурсы и активированы аналитические цели, Система 2 обычно доминирует и закрывает познающему субъекту вход в Систему 1 [Gervais, Norenzayan, 2012]. Главное различие между рациональной и интуитивной, основанной на опыте системами рассуждений заключается в том, что в первом случае информация обрабатывается аналитическим, а во втором – холистическим способом. К.Кушлев и Э.У.Данн говорят, что рациональная система похожа на судью, беспристрастно оценивающего имеющиеся улики, а

опытная – на адвоката, более мотивированного, пристрастного и стремящегося выстроить историю, соответствующую желаемому результату [Kushlev, Dunn, 2012, p. 280].

Развивая субъектно-аналитический подход, не следует забывать, что мировоззрения и способы рассуждений многих людей далеки от полярных проявлений аналитичности и холистичности. Недавно в российской психологии это было обосновано на примере научного творчества наших двух замечательных психологов – А.В.Брушлинского и О.К.Тихомирова. Их публикации свидетельствуют об осознании ими продуктивности использования как аналитического, так и холистического способов рассуждений при исследовании большинства психологических проблем. И такая позиция соответствует передовым тенденциям развития не только психологической науки, но и общей методологии социогуманитарного познания.

Заключение

Несмотря на то, что субъектно-аналитический подход в психологии делает только первые шаги, его польза для исследований понимания человеком трех реальностей мира человека очевидна. Составляющие этого подхода имеют глубокие корни в психологической науке и не только в ней. Дальнейшие исследования должны быть направлены на углубленный анализ оснований, по которым человек воспринимает и понимает реальность как эмпирическую, социокультурную или экзистенциальную. Не менее научно значимым является и определение сходства и различия с другими методами изучения психического, в частности с культурно-аналитическим подходом. Таким образом, развитие субъектно-аналитического подхода мне представляется необходимым и перспективным.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 13-06-00087а.

Литература

Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.

Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М.: Мысль, 1979.

Брушлинский А.В. Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН, 2003.

Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход в психологии и методологии междисциплинарных исследований. Вопросы психологии, 2009, No. 5, 17–27.

Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход к изучению эволюции психологического знания: автореф. дис. ... доктора психол. наук. Москва, 2015.

Знаков В.В. Три традиции психологических исследований – три типа понимания. Вопросы психологии, 2009, No. 4, 14–23.

Знаков В.В. Теоретические основания психологии понимания многомерного мира человека. Вопросы психологии, 2014, No. 4, 16–29.

Иванченко Г.В. Забота о себе: история и современность. М.: Смысл, 2009.

Карпов А.А. Рефлексия в структуре сознания. Вестник Ярославского гос. университета. Сер. Гуманитарные науки, 2012, 1(19), 6–12.

Колдунова И.Д. Конструирование аналитико-синтетических задач по теории алгоритмов. Педагогическое образование в России, 2015, No. 4, 133–139.

Марсель Г. Пятая лекция. Рефлексия первой и второй ступени. Экзистенциальный ориентир. В кн.: История философии. М.: Институт философии РАН, 2003. Вып. 10, с. 143–163.

Мураками Х. К югу от границы, на запад от солнца. М.: Эксмо, 2015.

Петренко В.Ф., Супрун А.П. Взаимосвязь квантовой физики и психологии сознания. Психологический журнал, 2014, No. 6, 69–86.

Прохоров А.О. Рефлексивный слой психического состояния. Мир психологии, 2006, No. 2, 38–49.

Пуанкаре А. О науке. М.: Наука, 1989.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание: О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М.: Академия наук СССР, 1957.

Рубинштейн С.Л. (Ред.). Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения. М.: Академия наук СССР, 1960.

Фахрутдинова Л.Р. Психология переживания человека. Казань: Казанский гос. университет, 2008.

Фуко М. Герменевтика субъекта. В кн.: Социо-Логос. М.: Прогресс, 1991. Вып. 1, с. 284–311.

Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.

Фуко М. Управление собой и другими. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году. СПб.: Наука, 2011.

Харламенкова Н.Е. Активность субъекта: ее границы в ретроспективе и перспективе жизни. В кн.: В.В. Знаков, З.И. Рябикина, Е.А. Сергиенко (Ред.), Психология субъекта и психология человеческого бытия. Краснодар: Кубанский гос. университет, 2010. С. 40–59.

Choi I., Koo M., Choi J.A. Individual differences in analytic versus holistic thinking. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2007, 33(5), 691–705.

Epstein S. Cognitive-Experiential Self-Theory of Personality. In: I.B. Weiner (Ed.), *Handbook of Psychology*. New Jersey: John Wiley and Sons, 2003. Vol. 5, pp. 159–184.

Gervais W.M., Norenzayan A. Analytic Thinking Promotes Religious Disbelief. *Science*, 2012, 336(27), 493–496.

Grace S.L., Cramer K.L. The elusive nature of self-measurement: the self-construal scale versus the twenty statement test. *The Journal of Social Psychology*, 2003, 143(5), 649–668.

Kushlev K., Dunn E.W. Affective Forecasting: Knowing How We Will Feel in the Future. In: S. Vazire, T.D. Wilson (Eds.), *Handbook of Self-Knowledge*. New York: The Guilford Press, 2012. pp. 277–292.

Mei-Hua L. Analytic-holistic thinking, information use, and sensemaking during unfolding events. PhD dissertation (Philosophy). Wright State University, Dayton, 2008.

Nisbett R.E., Peng K., Choi I., Norenzayan A. Culture and systems of thought: Holistic versus analytic cognition. *Psychological Review*, 2001, 108(2), 291–310.

Pierce M.E. Individual and holistic information processing. Master's thesis. Virginia Polytechnic Institute, Blacksburg, 2007. pp. 1–24.

Singelis Th.M. The measurement of independent and interdependent Self-construals. *Personality and Social*

Psychology Bulletin, 1994, 20(5), 580–591.

Stanovich K.E., West R.F. Individual Differences in Reasoning: Implications for the Rationality Debate? Behavioral and Brain Sciences, 2000, 22(5), 645–726.

Поступила в редакцию 23 мая 2015 г. Дата публикации: 14 августа 2015 г.

[Сведения об авторе](#)

Знаков Виктор Владимирович. Доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория психологии личности, Институт психологии Российской академии наук, ул. Ярославская, д. 13, 129366 Москва, Россия.
E-mail: znakov50@yandex.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Знаков В.В. Субъектно-аналитический подход в психологии понимания. Психологические исследования, 2015, 8(42), 12. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Знаков В.В. Субъектно-аналитический подход в психологии понимания // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. С. 12. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1157-znakov42.html>

[К началу страницы >>](#)